

сомнению. В посланной в Вольное Экономическое общество собственной записке по этому поводу он выразил категорическое несогласие даже с самой постановкой вопроса о возможности освобождения крепостных и наделения их при этом землей: «Что ж дворянин будет тогда, когда мужики и земля будут не его; а ему что останется?» — задается вопросом Сумароков и заключает свою записку безапелляционным выводом: «Свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежит».²⁴

Вот почему вполне нейтральный, вытекавший опять же из рассуждений о положении рабов в Древнем Риме тезис, заключенный в статье 265 первоначальной редакции «Наказа», гласивший «Когда закон дозволяет господину наказывать своего раба жестоким образом, то сие право должен он употреблять как судья, а не как господин» (154), вызвал довольно своеобразную реакцию со стороны Сумарокова: «Господин должен быть судья, это — правда; но иное быть господином, а иное тираном; а добрые господа все судьи слугам своим, и отдать это лучше на совесть господам, нежели на совесть слугам» (85). В формулировке «Наказа», делавшей формальный закон последней инстанцией в отношениях между рабом и господином, вплоть до забвения им своих господских прав перед исполнением миссии судьи, Сумароков усматривает претензии на умаление власти дворян над крестьянами под предлогом опасности тирании. И он возражает против разграничения прерогатив помещика при выполнении им карательных функций по отношению к своим крестьянам («...добрые господа все судьи слугам своим»). В окончательной редакции «Наказа» статья 265 была изъята, и не исключено, что решающую роль в этом сыграли соображения, высказанные по ее поводу Сумароковым.

Но особенно остро Сумароков прореагировал на те статьи «Наказа», где в чрезвычайно осторожной форме высказывались мысли о возможности сделать крестьян свободными. В формулировках Г. В. Козицкого выражение этой идеи носило характер гипотетического допущения. Разговор о свободе крестьян дополнялся в следующем пункте главы рассуждениями об имуществе рабов, напоминавшими вопросы, поставленные Вольным Экономическим обществом. Причем эти статьи следовали после статей, где рассматривалось положение рабов в Спарте, Риме, Афинах. И это придавало благородным рассуждениям «Наказа» несколько отвлеченный характер.

«276. У афинян строго, а иногда и смертною казнию наказывали того, кто с рабом поступал свирепо. Афинский закон благоразумно

---

²⁴ Цит. по: Ходнев А. И. История Имп. Вольного Экономического общества. СПб., 1865. С. 25. См. также анонимное «Мнение об освобождении крестьян», опубликованное в «Русском архиве» (1870. № 2. С. 288—291).